

сударству, наконец, какъ всепроникающему знанию, принадлежить будущее».

«Такъ какъ я вамъ сказала,—продолжалъ Профессоръ—что, по частнымъ свидѣніямъ, мною полученнымъ, Баронъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзью, то, конечно, онъ не кончитъ своего проекта, не достигнетъ цѣли осуществленія всезнающей полиціи, опирающейся на науку и технологию, не дастъ государству знанія, а слѣдовательно и его принципъ, повидимому, принадлежитъ къ принципамъ неизлѣчимо-больнымъ, и его принципъ, какъ надо думать, не встрѣтитъ уже для себя защитника и представителя въ нашихъ будущихъ собранияхъ. Это—сила умирающая».

«Мой докладъ конченъ, и мы можемъ приступить къ дѣлу. По жребію, вынумому на прошломъ засѣданіи, за пропускомъ голосовъ Барона и Джулио, порядкомъ слова слѣдующій: Картежникъ, Инквизиторъ, Бабефъ и я. Слово принадлежитъ Картежнику».

Картежникъ началъ:

«Вы отлично знаете, что я считаю вашихъ единомышленниковъ, Бабефъ и Инквизиторовъ, своими врагами, что употребляю и буду употреблять всѣ усилія, чтобы скорѣе обезсилить и раздвинуть ихъ, не щадя при этомъ никого и ничего. Вашихъ же мыслителей и мыслителей, многоученный Профессоръ—забытъ! онъ хронически—я

не трогаю, потому что вижу въ нихъ частью безвредныхъ тружениковъ, частью нашихъ безсознательныхъ союзниковъ. Для васъ наука,—все, для меня это—орудіе, какъ и для Бабефа; но я весьма далека отъ того, чтобы относиться къ ней съ бессмысленной враждою Инквизитора. Она—орудіе, но орудіе сильное и единственно-цѣлесообразное. Она позволяетъ предвидѣть вѣроятное будущее, и потому именно я считаю несомнѣннымъ, что побѣда будетъ принадлежать намъ, тому дѣловому и расчетливому классу общества, который въ рѣчахъ Бабефа такъ часто является подъ именемъ ожирѣвшей буржуазіи, эксплуататоровъ труда и т. д. и т. д.; тѣмъ отрицателямъ всякаго религіознаго авторитета, которыхъ нашъ Инквизиторъ грохочитъ въ своихъ проповѣдяхъ, какъ исчадіе ада, какъ развращенныхъ безбожниковъ; тѣмъ практическимъ клевкамъ, на которыхъ такъ поразительно смотрятъ профессора, въ родѣ нашего Профессора, и которые позволяютъ себѣ смѣяться еще болѣе поразительно на слѣпыхъ ученыхъ, не замѣчающихъ, что именно ихъ доводы говорить въ нашу пользу».

«Точно ли мы исчадіе ада, я разбирать не стану, потому что считаю бесполезнымъ восходить къ столь метафизическимъ соображеніямъ (изъ улыбки многоученнаго Профессора вижу, что, вѣроятно, не точно